

ЖЕНСКИЕ ДОЛИ

Татьяна
Казакова
Портрет

Героиня принимает решение окончательно и бесповоротно начать новую жизнь. Не обладая модельной внешностью, внезапно становится музой художника, что вызывает зависть и предательство подруги...

«Портрет» — книга из серии женских романов «Женские доли», написанной Татьяной Казаковой.

Татьяна Казакова

ПОРТРЕТ

— Доченька, — донеслось из кухни, — иди обедать. Да что же это такое? Сговорились все, что ли? Ведь именно с сегодняшнего дня она окончательно и бесповоротно решила начать новую жизнь. Устроить разгрузочный день, пить только кефир, сделать определенные упражнения, облиться холодной водой... ну, с этим можно пока не торопиться. Нельзя же все сразу. Надо постепенно. Но все равно она будет худеть. Надоело покупать себе вещи не те, которые нравились, а те, которые были в наличии, обязательно темного цвета (всем известно — он худит), а еще постоянно слышать.

— Вашего размера нет, — и продавщицы при этом с ехидной усмешкой оглядывали ее с голов до

ног и презрительно пожимали плечиками, а то еще пошепчутся друг с другом, выразительно показывая глазами в ее сторону. Лиза неизменно краснела и тут же выходила из магазина, в душе негодуя на этих девушек и женщин, которые сами были далеки от совершенства, то есть от заветных 90-60-90.

Ладно, она вам еще покажет! Она вернется сюда, как Джулия Робертс из «Красотки» и тоже так небрежно плечиком поведет! И еще наберет кучу всяких вещей. Во-первых, легенсы, во-вторых, раздельный купальник, в-третьих, короткую юбку и маленький топик, чтобы было видно плоский живот, в-четвертых.....Ладно, пока хватит. Теперь надо проявить выдержку и не есть.

Утро началось замечательно. В своем еженедельнике Лиза крупно вывела «Диета, 1 апреля»... Черт! Совсем забыла, ведь 1 апреля — день шуток. Ничего, она же знает, что это не шутка, все очень серьезно и с чувством выполненного долга выпила нулевой кефир. Хорошо, что мама сегодня ко второй паре — она преподает английский в институте, а то непременно уговарила что-нибудь поесть. Мама у нее замечательная и такая красавица, не то, что она. У нее прекрасная фигура, и при этом Лиза не помнит, чтобы она себя в чем-то ограничивала. Когда они выходят куда-нибудь вместе, никто не верит, что это мама. Бабушка тоже в хорошей форме, правда, характер у

нее после ухода на пенсию стал портиться... Вообще-то характер у нее и до ухода был ого-го. Раньше мама никогда ей не возражала, но в последнее время часто с ней спорит или просто делает по-своему.

На работе Лиза мужественно отклонила предложение «поить кофейку», потому... как известно, пустой кофе пить скучно, значит, будут предложены конфетки, «печенюшки» и еще что-нибудь вкусенькое. А когда наступило обеденное время и Таня с Тamarой собрались в Макдоналдс и позвали ее, Лиза и здесь проявила стойкость и осталась в отделе. Какая молодец! И ничего страшного! Не пошла — и все! Вот это выдержка! Сейчас «Караван» почитает, а после обеда время быстро пройдет.

Но из отдела все-таки пришлось выйти — Инна Игоревна, их начальница, никогда не употреблявшая «вредные продукты», которыми считала еду из Макдоналдса, достала свои лоточки с неаппетитными отварными котлетками и овощами на пару. Запахло пищей, и непроизвольно захотелось есть.

Сглотнув слюну, Лиза стремительно вышла на улицу. Надо быстро ходить пешком — говорят, это тоже способствует похудению... Вон в ту булочную к двенадцати часам обычно привозят сдобные слойки. Какие же вкусные эти слойки и

сытные. Когда она не ходила в Макдоналдс, обычно съедала такую булочку и выпивала большую кружку кофе со сливками. Инна Игоревна обязательно вставляла свою дежурную фразу, глядя в потолок: «Как можно так не любить себя?! Не понимаю!»

Лиза первое время краснела и старалась съесть свою булку втихаря, отщипывая понемногу под столом. Крошки сыпались на юбку, на стол и на пол и Лизе без конца приходилось вскакивать и отряхиваться, привлекая внимание окружающих производимым шумом, поэтому она просто старалась не обращать внимания на тощую начальницу, которая очень гордилась своей «стройной фигурой». На самом деле она просто была худа до безобразия. Один раз в туалете та переодевала порванные колготки, Лиза случайно увидела сморщенные и обвисшие бедра. Конечно, в одежде Инна Игоревна смотрелась очень даже ничего, но раздетая... бррр.....в кошмарном сне не привидится.

— Ну что же ты? — Мама заглянула в комнату и вопросительно смотрела на дочь. Лиза набрала побольше воздуха в легкие и намеревалась возразить, но вместо этого неожиданно выпалила.

— А маслины есть?

— Конечно, и лимон и маслины и даже каперсы — все по правилам, как ты любишь.

— Ладно, — обреченно вздохнула Лиза, — сегодня поем, а завтра не буду. И не предлагай даже!

Она быстро прошла на кухню, оставив мать в недоумении. Что это с дочкой? Наверное, опять решила худеть. Ангелина Николаевна покачала головой и состроила гримаску. Вот ведь не повезло Лизочке. Ничего не взяла от них — вся в мужа и его сестер. Такая же высокая, с большой грудью, которой очень стеснялась и поэтому сутулилась. Сама Ангелина Николаевна была среднего роста, стройная, сероглазая, светлые прямые волосы, ни малейшего завитка, а у дочки волосы пышные вьющиеся и оттенок каштановый немного в рыжину, очень белая кожа с нежным румянцем и красивые зеленые глаза. Казалось бы все при ней: и аккуратный носик и пухлый по-детски рот, и грудь и талия, но. Но лишний вес, конечно, все портил. Большой груди Лиза стеснялась, как и полных бедер и ног. Вся скукожится, голову не поднимет, в общем, впечатление производила жалкое. Еще и мама, Лизина бабушка, Анастасия Максимовна, подливала масла в огонь.

— И в кого ты такая здоровущая уродилась? Геля такая вся аккуратненькая и я еще очень даже ничего, а ты... как лошадь полковая. Но унывать не надо, Лизочек. Как говорится, на каждый горшок найдется крышка.

— Мама, — потом выговаривала ей Ангелина Николаевна, — ну что ты такое говоришь? Она и так переживает.

— А переживает, так не надо столько жрать.

— Господи, так мы сами ее кормим, еще и уговариваем. Вот скажи, зачем вчера пироги пекла?

— Что же нам теперь и пирожков не поесть. И потом, что ты волнуешься — мужики толстых любят.

— Мама! Очень тебя прошу, прекрати говорить Лизе, что она толстая — она и так комплексует.

Анастасия Максимовна соглашалась, но через некоторое время все повторялось.

Лиза ела суп, проклиная себя за малодушие. Попросила чуть-чуть, а потом не удержалась и попросила добавку. Ангелина Николаевна хотела было возразить, но прикусила язык. Сама виновата — приготовила дочкин любимый суп. Завтра надо что-нибудь другое сварить... например, можно что-нибудь постное. Да, правильно, приготовит постный борщ.

— Мам! У меня завтра разгрузочный день — буду пить кефир.

— Как же так? А я борщ хотела постный сварить.

— Ты же слышала, — Анастасия Максимовна осуждающе смотрела на дочь. — Девка, наконец, за

ум взялась, пусть кефир попьет. Мне все замечания делаешь, а сама?

— Ладно, — не отвечая матери, быстро согласилась Ангелина Николаевна, — кефир, так кефир. Ой! Кто-то звонит! Наверное, Райка твоя. Она уже два раза звонила.

Лиза, не дослушав, побежала встречать подругу и бывшую одноклассницу.

— Приве-етик, — пропела Райка и прошла в прихожую, которая сразу же пропахла резкими Райкиными духами. — Смотри, какую я курточку классную отхватила. — Она вертелась перед зеркалом, оглаживая себя со всех сторон.

— Да, правда, очень хорошая.

— Ты бы себе тоже купила. С брючками просто — отпад, да и плащ твой допотопный пора менять.

— Ты прекрасно знаешь, что я брюки не ношу, а куртка с юбкой... как-то не очень. Рай, пойдем ко мне, — тихо сказала Лиза, заметив маму, прислушивающуюся к разговору. Она знала, что мать недолгобливает Райку. В душе она тоже часто сомневалась в искренности Райкиных слов, но перед мамой всегда защищала единственную подругу.

— Ну, как у нас с диетой? Пила кефир?

В ответ Лиза помотала головой.

— Да не переживай ты так. Черт с ним, с кефиром! Зачем себя насиловать, правда?

Лиза хотела возразить, но послушно подтвердила.

— Слушай, вчера у нас на работе была вечеринка, я там парнишку одного прикадрила. Так себе паренек, но забавный очень. А у тебя на фирме как дела?

— На работе все замечательно. Ко мне все очень хорошо относятся, даже комплименты делают...

— Да?... — С сомнением спросила Райка, окинув ее критическим взглядом.

— А знаешь, на курсах меня хвалили.

— Господи! И не надоело? Зачем себя мучить? Все учишься, учишься. Мне, например, школы во, как хватило. — Она подкрепила слова характерным жестом, проведя рукой по горлу.

— Мне нравится учиться.

— Ну так поступила бы в нормальный институт. Что хорошего учиться на курсах да еще в Литературном? Одни старые девы там учатся.

Лиза не ответила, ей неприятно было слышать про старых дев, ряды которых ей, видимо, придется пополнить. У нее не было поклонников, и вообще ничего интересного в ее жизни не происходило, вот у Горшковой... правда, иногда от ее секретов Лизу тошнило, ей неприятно было слушать откровения

интимного характера, и Райка это отлично знала, но очень любила смаковать подробности.

Лиза плохо училась в школе, единственные предметы, которые она любила, были литература и русский. Неизменные пятерки и похвала учителей. На все олимпиады по литературе посылали только ее. Русский она всегда давала списывать всем желающим, не возмущалась, если пачкали или теряли ее тетрадки, она старалась быть со всеми хорошей, к тому же половине класса писала домашние сочинения, пока учительница не прекратила это, поставив двойки, тем, кому она писала.

— Я прекрасно знаю, кто писал за вас эти сочинения, и впредь буду ставить вам двойки, так что не пытайтесь больше меня обмануть.

С тех пор Лиза стала всем неинтересна, она все время о чем-то мечтала, часто отвечала невпопад, над ней откровенно смеялись, хотя неизменно пользовались ее добротой, а за спиной высмеивали. Особенно изощрялись на уроках физкультуры.

Эти уроки были сплошным мучением для девушки. Она не могла выполнить ни одного упражнения — стояла столбом и краснела. Учитель пытался ее как-то растормошить, но все без толку.

Дома Лиза повторяла дома упражнения, например, делала «березку» и давала себе слово,

что уж теперь-то не будет слушать насмешки одноклассников, а делает упражнение, как умеет. Один раз после занятий она потихоньку прошла в физкультурный зал и прямо в платье попробовала сделать упражнение на брусьях. У нее все получилось. На следующем уроке физкультуры она вышла к снаряду и стала выполнять упражнение. «Молодец, хорошо», — хвалил учитель, и вдруг послышался чей-то смех... Учитель еле успел ее подхватить — она, как сноп свалилась с брусьев. После урока он пытался с ней поговорить, но все было бесполезно — Лиза упрямо молчала и больше не проявляла никакого участия на его уроках.

В старших классах почти все одноклассники были влюблены, девчонки по углам хихикали, строили глазки, писали записки, некоторые откровенно целовались и вели себя довольно вольно. Лиза тоже влюбилась в мальчика из соседнего класса, и вроде он стал поглядывать на нее, но тут Райка Горшкова неожиданно с ней поделилась секретом — оказывается, ей тоже понравился этот мальчик. Лиза огорчилась и в то же время обрадовалась — у нее теперь есть подруга. Бог с ним с этим мальчиком — она переживет, лишь бы Горшкова с ней дружила. Так и началась их дружба. Лиза всегда с ней соглашалась, во всем ее поддерживала и всегда за нее платила —

Райка жаловалась, что у них с мамкой денег нет, а папка их бросил.

Лизин папа тоже ушел, когда ей было шесть лет. Банальная история — влюбился в секретаршу. Он был высокий с пышной шевелюрой и зелеными глазами. «Красавец» — говорили про него. Работал он в Министерстве транспорта, занимал большую должность. Наверное, и раньше у него случались романы, но, видимо, ничего серьезного и вдруг... Мама очень переживала, много плакала, но не устраивала сцен, зато бабушка закатывала целые представления. Она с рыданиями потрясала пальчиком перед его носом — «Я не допущу такого обращения с моей дочерью! Видишь, Гелечке плохо! Вызови скорую! Она умрет, и это будет на твоей совести!» Маме приходилось ее успокаивать. Она уводила бабушку в другую комнату, откуда еще долго доносились ее вопли. Алексей Михайлович морщился, и подмигивал Лизе, ничего, мол, прорвемся. Она подмигивала ему в ответ, и они, как заговорщики крались на кухню и делали себе вкусные бутерброды, запивая сладкой газированной водой.

Лиза не очень переживала, когда он ушел, тем более папа обещал забирать ее каждый выходной, но... так и не забрал ни разу. Она приставала с расспросами к матери, но та неизменно находила

ему оправдания, а бабушка один раз, когда мама была на работе, дала Лизе телефон.

— Ну-ка, поговори со своим любимым папочкой В трубке раздался папин голос.

— Пап! А почему ты не приезжаешь? Я все жду-жду.

— Дочка, я не мог, извини.

— А в этот выходной заберешь меня?

— В этот?... Наверное, не получится. Давай в следующий.

— Давай. Я буду ждать тебя. Мы пойдем в кино на мультики?

— Там видно будет. Ну пока, мне некогда, сейчас совещание начнется.

Лиза отдала бабушке трубку.

— У него совещание начнется, ему некогда.

— Ага, некогда ему! Как же!? К секретарше своей совещаться пошел!

— Какой секретарше?

— Да его фифе крашеной.

— Ой! Мама пришла! Мам, а ты знаешь эту фифу крашеную, папину секретаршу?

— Господи! — Ангелина Николаевна с укором посмотрела на мать. Та быстро ретировалась в свою комнату, а Ангелина Николаевна стала отвлекать дочку рассказывая, что скоро поедут на дачу. Как там будет весело и

интересно, как они будут ходить в лес и на речку купаться.

Папа так ни разу не появился, но неизменно присылал деньги. По мере продвижения по службе и присылаемые суммы увеличивались. Даже после Лизиного совершеннолетия деньги продолжали поступать ей на счет. Материально они жили хорошо, мама преподавала английский язык в институте, занималась репетиторством, а бабушка проработала всю жизнь в кожно-венерологическом диспансере дерматологом, а после выхода на пенсию подрабатывала в частной клинике. Потом она купила абонемент в спортивный комплекс и стала активно заниматься на тренажерах. Хотела и Лизу приобщить к этому занятию, и в душе та очень хотела пойти, но...как представит себя в спортивном костюме, смешки окружающих... В общем, она категорически отказалась.

После окончания школы Лиза поступила на подготовительные курсы литературного института. Времени при этом оставалось много, и Лиза приняла решение пойти работать. Бабушка уговорила маму позвонить отцу. Она долго отнекивалась, но бабушкиному напору нельзя было противостоять, ей пришлось позвонить бывшему мужу и попросить помочь дочери.

Алексей Михайлович назначил встречу у себя в министерстве, и Лиза поехала туда,

принарядившись и очень волнуясь. Всю дорогу она думала, как он расцелует ее, как обрадуется, скажет, что все эти годы думал о ней, но не мог с ней встретиться...потому что...потому что... в общем, причина будет серьезной. А еще скажет, какая она стала красавица, она похвастается, что поступила на курсы, и ее там хвалят, а может... да, она признается, что написала рассказ и сказку для детей. Она еще никому ее не показывала, только ему... первому. Он будет ею гордиться и говорить всем: «Это моя дочка».

— Боже мой! Какая ты большая и... ммм... Лиза, почему ты не следишь за своим весом? Сейчас вроде все девушки следят за собой.

После этих слов Лиза поняла — отец разочарован. Она сразу же поникла и замкнулась, он задавал вопросы, Лиза отвечала односложно. Желание поделиться, поговорить по душам, пропало. В кабинет заходили сотрудники, косились на Лизу. Она все ждала, что отец представит ее, но этого не произошло, он как будто стеснялся ее и вздохнул с облегчением, когда она стала прощаться.

— Я договорился с одной фирмой — это насчет работы. Возьмут тебя экономистом.

— Но я же не экономист.

— Да какая разница? Оформят так, но и работа не пыльная, за компьютером будешь сидеть.

Ну и на будущее опыта наберешься, может, в дальнейшем пригодится.

— Вряд ли. Я учусь на подготовительных курсах Литературного института, туда и буду поступать.

— Нравится?

— Да, нравится.

— Если понадобятся деньги и вообще, ты позвони, хорошо? Ну ладно, иди. Маме привет... До свидания.

Лиза встала и ждала, что он подойдет, поцелует, но Алексей Михайлович стал что-то перебирать у себя на столе, изображая страшную занятость, Лиза резко повернулась и вышла, решив про себя, что если еще раз увидится с ним, то только, когда чего-нибудь добьется. Сама. Пусть он пожалеет тогда, что так с ней.

* * *

На фирме ее встретили хорошо даже как-то ласково.

Руководительница, Анна Семеновна, благосклонно выслушала ее лепет, сама лично проводила к кадровику и потом отвела в отдел и представила сотрудникам.

— Это Лиза Камышенцева, прошу любить и жаловать. Инна Игоревна, покажите новой

сотруднице ее место, выделите компьютер и обеспечьте фронтом работ, можно поручить ей собирать сводки по регионам.

— Анна Семеновна! Погодите! — Подскочила Инна Игоревна и вышла вслед за начальницей. — Это что, родственница нашего? — Она сделала многозначительную паузу и возвела глаза кверху.

— Вы умница, все правильно поняли. Это его дочка... от первого брака. Никаких лишних разговоров при ней. Предупредите в отделе.

В отделе кроме Инны Игоревны было еще пять человек. В первые дни в отделе было очень тихо, почти никто не разговаривал, потом стали перебрасываться незначительными фразами, позже стали рассказывать анекдоты и приглашать Лизу на обед в Макдоналдс.

Поначалу она стеснялась, но все были настолько дружелюбны, всячески ей помогали, и она почувствовала себя свободнее и увереннее и стала ходить вместе с Тамарой и Таней обедать. Иногда к ним присоединялись Гоша и Олег. Одна только Нина никогда с ней не заговаривала и никогда не ходила со всеми в Макдоналдс. Ровно в час она уходила и возвращалась ровно в два. Лиза отметила, что Нина ведет себя со всеми одинаково. Никогда ни с кем не болтает, только по делу, и еще Лиза часто ловила на себе ее насмешливый взгляд, и почему-то именно с ней очень хотелось

подружиться. Ей казалось, что Нина была очень искренним человеком и независимым.

— Эй! Ты о чем задумалась? — Райка оторвалась от зеркала, в котором сосредоточенно что-то искала у себя на лице. Не обнаружив ничего такого, что мешало бы спокойной жизни, удовлетворенно вздохнула и предложила — Давай в субботу в кино ходим.

— А что идет?

— Да какая разница? Поедем в центр, в Пушкинский, потом можно по Калининскому прошвырнуться.

— Хорошо, — кивнула Лиза, хотя перспектива просто так шляться по центру ее совсем не привлекала. Она знала, что Райка выпендрится, будет стрелять глазками по сторонам, а ей будет неудобно вызывающего поведения подруги и своей полноты, но все равно пойдет, потому что невозможно все время сидеть дома, и погода такая хорошая. Весна!

В Пушкинском шел боевик с Брюсом Уильямсом и еще отечественный «Любовь-морковь» с Кристиной Орбакайте и Гошей Куценко. Конечно, они хотели смотреть «про любовь», но на этот фильм остались билеты только на последний сеанс.

— Да ну, — протянула разочарованно Райка. — Ладно, пойдем на Брюса, а то пока до

Речного доберешься... Давай деньги, — обернулась к Лизе. Та безропотно полезла за кошельком. Так уж повелось, что ходили всегда на ее деньги. В душе шевельнулось нехорошее чувство, не то, чтобы было денег жалко, а как-то не по себе, как будто подружка с ней из-за денег дружит.

Купив билеты, прошли пешком по Калининскому, а потом вышли на Арбат. Глазели по сторонам, разглядывали сувениры, подошли к художникам. Лиза засмотрелась на один портрет.

— Смотри, как здорово, — толкнула Райку, не отрываясь от картины.

— Да чего хорошего? Какая-то уставшая тетка с синяками под глазами.

— Ну вот, видишь, сразу видно, что она устала, а может, у нее горе.

— Да ну, пойдём дальше.

— Девушка! — Внезапно появился художник. Он был немолод, небрит, одет неряшливо, но глаза прищуривал и глядел весело.

— Вы меня? — Райка жеманно подняла плечико.

— Нет, не вас, а вашу подругу. Можно с вас попросить попозировать мне?

— Как? — Обалдело таращилась Лиза, и чуть было не спросила — «Голой?» Хорошо, что не спросила, потому что он тут же пояснил.

— Ваш портрет. Только не здесь, здесь не получится, очень много народа, будут мешать.

— А где?

— У меня мастерская на «Динамо».

— Да вы что?! — Влезла Райка, оскорбленная тем, что не ей предложили позировать, а этой корове. Интересно, что он в ней нашел? — Чтобы девушка одна пошла к незнакомому мужчине? — Продолжала она. — Вы соображаете вообще, как это выглядит? Да ее просто мать не пустит!

Мужчина даже головы не повернул в ее сторону, он тяжело вздохнул и выжидающе смотрел на Лизу.

— Ну что? Решайтесь! А если мама будет возражать или сомневаться, пусть приходит вместе с вами. Зовут меня Виталий Леонидович Телегин. Вот моя визитная карточка. А вас как величать?

— Лиза.

— Решайтесь, Лиза, очень вас прошу. У вас такая необыкновенная внешность... И потом я вам заплачу.

— Хорошо, я подумаю, — мучительно выдавила Лиза, взяла визитку и попрощалась.

— Не вздумай к нему ходить! Ты что не поняла? Это он так с девушками знакомится, заманивает их, а потом насилует, а может, просто уговаривает голыми позировать. Ты согласна голой стоять?

Лиза замотала головой.

— Вот, — удовлетворенно подвела итог Райка, — значит, визитку надо выбросить.

— Я не выброшу, — неожиданно возразила Лиза, а Раиса даже остановилась от неожиданности — ведь подруга всегда и во всем с ней соглашалась. От этого Райка растерялась и замолчала. Они зашли в Макдоналдс, опять же за Лизин счет, а потом поехали в кинотеатр. О художнике больше не говорили, но каждая об этом думала, одна с раздражением, другая с надеждой.

— О! Докатилась! Натурщицей хочет работать! — Бабушка услышала, как Лиза рассказывала маме о художнике.

Ангелина Николаевна уже собиралась запретить и думать об этом, но услышав реплики своей матери, внезапно рассердилась и неожиданно согласилась.

— Только я с тобой, одну не пущу.

— И эта туда же! — Неистовствовала Анастасия Максимовна. — С ума вы посходили, что ли?! Знаю я, чем эти встречи с художниками заканчиваются, насмотрелась у себя на приемах и наслушалась разных историй. — Внезапно она замолчала и неожиданно заявила — Знаешь что, лучше я пойду с Лизой вместо тебя.

Ангелина Николаевна подумала и согласилась, но Лиза возразила.

— Мам! Но это будет совсем уж глупо! Что я как маленькая с бабушкой приду?

— Лизочка, но ведь разницы нет, со мной или с бабушкой. С бабушкой даже лучше. Все, Лизок, давай так и договоримся. Можешь ему позвонить и договориться... лучше на субботу. Мам, у тебя суббота свободна? Ну и отлично, иди, звони.

Лиза пошла к себе в комнату, набрала номер и, услышав ответ, быстро затараторила.

— Виталий Леонидович, здравствуйте. Это Лиза. Я согласна вам позировать. Только я приду с бабушкой.

В трубке молчали, Лиза занервничала.

— А-а, это та Лиза с Арбата? Значит, вы решились? Это замечательно. Назначайте день.

— Я бы хотела в субботу. Вы сможете?

— Не очень удобно. Но, в субботу, так в субботу, давайте с утра, часиков в одиннадцать. Устроит?

— Да, конечно.

— Тогда записывайте адрес.

Он продиктовал адрес, объяснил, как лучше доехать, и они распрощались до субботы.

Телегин задумался, прикидывая, как лучше написать портрет. Он огляделся и неожиданно вспомнил, как впервые попал в эту квартиру. Родная сестра его матери тетя Галя как-то приехала к ним в деревню под Ярославлем в отпуск, увидела

его картины и объявила, что забирает Витальку с собой в Москву.

— Ему учиться надо, может второй Репин получится, а я все равно одна, замуж больше не выйду, а квартира большая.

Родители были только рады, они жили очень скромно. Отец после сокращения запил, а мать ездила с какими-то тетками в Москву, набирала дешевых шмоток, потом продавала их в Ярославле, чаще ездила по деревням. И все на себе, машины у них не было. По праздникам приезжал младший брат отца, который жил в.

Ярославле, он приезжал на рыбалку и иногда помогал матери возить вещи. Когда тетя Галя предложила забрать Виталика, мать даже обрадовалась, все равно он без присмотра один болтался, да еще с какой-то шпаной связался.

Через два года родителей не стало — сгорели вместе с домом. Отец пьяный не погасил сигарету, ночью начался пожар, оба наглотались дыма и задохнулись. Тетка и Виталий приезжали хоронить. Пока тетя Галя улаживала какие-то дела, Виталий ходил на Волгу, писал пейзажи. Со старыми друзьями общаться не хотелось.

В Москве приживался с трудом. Особенно тяжело было в школе. Одноклассники высмеивали его одежду и «окание», дразнили, называя деревенщиной. Ему казалось, что говорит он точно

также как и москвичи, оказалось не так. Он замкнулся, ни с кем из одноклассников не общался, а вечером вслух читал какую-нибудь газету, записывая на магнитофон, потом прослушивал и повторял слова. И конечно, очень много рисовал. В школе скоро заметили его рисунки и сразу стали поручать рисовать стенгазеты и оформление зала к праздникам. На класс старше учился еще один «художник» Станислав Скворцов. Раньше всегда ему поручали все художественные оформления, но с появлением Виталия эту работу постепенно передали последнему. Скворцов всем говорил, что очень этому рад — время много отнимает, а в душе завидовал.

Потом они встретились в художественном училище, Скворцов также раньше на год поступил туда и неизменно был в «лучших». С Телегиным общался, но как-то снисходительно, что очень раздражало Виталия.

У тети Гали действительно была светлая и просторная квартира — три комнаты. Одну она отдала Виталику, разрешила все там оборудовать под мастерскую, но только после того, как он сдал экзамены в художественное училище. Все годы учебы она строго его контролировала, чтобы не пропускал занятия, чтобы с девушками приличными водился, а не с «оторвами всякими».

Тетя Галя умерла сразу после выпускного вечера. Виталий остался совсем один. Зарабатывал оформлением или как сейчас называют, дизайном открывающихся магазинов, потом ресторанов и кафе. Помогали однокурсники, которые очень часто собирались у него, а некоторые даже жили. Свои свидания с девушками устраивали тоже у него. Для души писал редко, но все-таки писал.

Когда у него на руках оказалась приличная сумма денег после одной работы, Виталий решил сделать себе мастерскую, как всегда мечтал. Снимать помещение было очень дорого, и он решил сделать в квартире перепланировку, объединил две комнаты в одну, получилась приличная мастерская, но деньги все ушли, даже одалживать пришлось. Теперь он мог работать для души, постепенно забросил основную работу и, естественно, потерял клиентов.

Женщин боялся, боялся насмешек, в присутствии женщин ощущал себя «деревенщиной» и поэтому предпочитал кратковременные связи. Лет пять назад на вернисаже познакомился с редакторшей одного из гламурных журналов и влюбился «по уши». Приглашая на свидания, искал в библиотеке какие-нибудь интересные факты из жизни художников, хотел поразить своей эрудицией, вспоминал смешные случаи из жизни.

Ей это поначалу нравилось, а потом начались тусовки, на которые ей надо было обязательно появляться. Виталий сопровождал ее, но на фоне всех этих лощеных молодых людей выглядел каким-то инородным, не вписывался в этот круг, не умел поддержать светскую болтовню, не умел ухаживать за девушками и, наконец, просто не любил все эти сборища. Кто-то окрестил его «мужланом», он услышал, устроил драку, а она, скривив красивые губки, процедила, «чтобы никогда не смел к ней приближаться».

Господи! Как же он мучился, писать не мог, начал пить. Андрей Борисыч, его сосед, сочувствуя ему и жалея от всей души, как-то зашел, изъял все бутылки, велел привести себя в порядок, сказал, что познакомит его с одним очень влиятельным человеком.

— Знаешь, я его очень уважаю, толковый мужик и прекрасно разбирается в живописи. Давай, покажу ему твои работы, если заинтересуется, считай, что выиграл лотерейный билет.

Несколько пейзажей Борисыч отобрал сам, отнес к себе и пригласил Алика. Тот долго разглядывал картины, Борисыч уже придумывал, как бы поделикатнее и, чтобы не обидно было, сообщить Телегину, что не подошли картины, как неожиданно тот произнес.

— Стоящие работы. Познакомь с автором.

Андрей Борисыч вздохнул с облегчением и сразу же побежал звонить в квартиру напротив.

Телегин еще раз окинул взглядом мастерскую, пожалуй, вот этот угол подойдет, его легче задрапировать... Может, лучше напротив окна, картина тогда получится темнее... Попробовал со светом. Комбинируя обычные лампы и люминесцентные, добился естественного оттенка. Так, теперь убрать все лишнее, картины в дальний угол, мольберт, краски и практически голые светлые стены. Зеркало забыл! Он притащил из соседней комнаты большое трюмо и установил его напротив мольберта у себя за спиной. Чтобы повернувшись можно было в нем увидеть картину в зеркальном отражении. Тогда все неточности и недостатки сразу бросаются в глаза, ведь визуально воспринимаешь отражение, как другую картину.

Теперь пространство... так нельзя, мешает зеркало. Лучше подвинуть, и немного развернуть мольберт, поправить свет. Как хороший танцор он кружил по мастерской, поправляя, переставляя разные предметы и передвигая мебель. Задумался, сомневаясь, звонить Маринке или нет, потом махнул рукой и набрал номер.

— Марина, это Виталий.

— Соскучился? Так я приеду.

— Да нет, — замялся он, подбирая слова, — не то, чтобы соскучился, в общем, хотел спросить, куда ты спрятала те золотистые шторы, помнишь?

— Шторы? Да я их в кладовку убрала в самый низ, положила на коробку справа. Хочешь, приеду, найду, приготовлю тебе что-нибудь вкусное. — она с надеждой ждала ответа.

— Нет, спасибо, ты в понедельник тогда приезжай с утра, деньги я на тумбочке оставлю. Спасибо. — Он положил трубку и шумно выдохнул — Ух. Угораздило ж его.

Марина работала у него уже несколько лет — молодая симпатичная деваха, из Молдавии. Она убирала, стирала и готовила ему. Все было прекрасно, пока однажды, в состоянии легкого подпития он не переспал с ней. Что на него нашло? Просто она крутилась перед ним полураздетая, кокетничала и заигрывала.....ну, он и не устоял. Но после она сразу себе что-то там навоображала, почувствовала себя хозяйкой и уже собиралась переехать к нему. С большим трудом ему удалось ее отговорить. Он, старательно отводя глаза, пытался ей объяснить, что все это получилось спонтанно, никаких чувств он к ней не испытывает, но, случайно подняв глаза, увидел глупую и довольно нахальную улыбку.

— Ничего, я подожду, соскучишься — позовешь.

Разубеждать ее было бессмысленно. Прошел примерно месяц, он избегал с ней встречаться, деньги оставлял на тумбочке и общался только по телефону. Его сосед, Андрей Борисович, с которым Виталий был в дружеских отношениях, посоветовал Марину просто уволить, но Виталий малодушничал, тушевался и никак не мог решиться. Если честно жутко боялся, что Марина устроит сцену, а разного рода сцен он не переносил. Он надеялся, что все как-нибудь само утрясется и забудется.

Еще раз оглядев мастерскую, позвонил Андрею Борисычу, чтобы одолжил старинный туалетный столик и несколько старинных безделушек. Виталий примерно представлял, как напишет ее, в идеале с обнаженной грудью, но если с бабушкой... попробовать разве уболтать ее, грудь прикрыть прозрачным шарфом. Ну, если не получится уболтать, тогда с обнаженными плечами в платье с декольте, восемнадцатый век и ожерелье на шею, а волосы поднять... Да, так будет самое оно. Но в последний момент он подумал, что в каком-нибудь пеньюаре, как бы со сна... или после бала. У нее такое выражение лица... Надо бы предложить Ваське приехать, пощелкать ее. Где он еще найдет такую роскошную натуру. А может ему только показалось? Может, девушка не так хороша?

В общем-то, они мало общались. Ладно, придет, тогда посмотрим. Надо же, с бабушкой...

В пятницу Лиза все-таки проявила выдержку — пила один кефир, а в субботу первым делом встала на весы. Ничего! Стрелка даже не шевельнулась. Хоть бы на сто грамм! Нет, восемьдесят пять, хоть тресни! Она загрустила и пошла умываться.

— Лиза! Тебе что на завтрак приготовить? Может, овсянку?

— Можно овсянку, — Лиза покрасневшая вошла на кухню, — только на воде.

— Ты чего такая красная?

— Гимнастику делала.

— Молодец, просто молодец.

— Кто молодец? Лиза? — Бабушка деловито прошла к холодильнику и внимательно читала дату на упаковке. — Какое сегодня число? Четырнадцатое? А здесь написано «годен до двенадцатого». Это в помойку... Так Лиза, значит, молодец?

— Да. Представляешь, вчера весь день на кефире сидела, а сегодня гимнастику делала.

— Два притопа, три прихлопа? Слышала, слышала, как что-то бухало за стенкой. Я уж подумала, что слон прыгает, а это, значит, внучка моя. Заешь что, тебе надо бегать по утрам по десять

километров каждый день и прыжки свои перенеси на улицу, а то пол проломишь.

— Мам! Ты что на завтрак будешь?

— А что народ ест?

— Мы едим овсянку на воде.

— Вот гадость-то. Нет, мне это не подходит. Я бы съела омлет с колбасой и с помидорчиком. Сделаешь?

— Конечно, иди, я тебя позову.

— Мам, ну почему она такая вредная? — Прошептала Лиза, когда Анастасия Максимовна вышла.

— Такой характер, — развела руками Ангелина.

— Ужас! Как с ней люди работают? А дедушка как ее терпел?

— Дедушка любил ее очень, все ей прощал.

Ангелина Николаевна задумалась. Действительно, у матери характер всегда был нелегкий, домом не занималась, все делал отец, на все ее нападки отвечал шутками. Часто покупал цветы, водил жену по театрам, никогда не спорил и, боже упаси, не упрекал, об измене даже смешно было подумать, настолько он предан был своей жене всю жизнь... Почему же у нее самой жизнь не сложилась, вроде и характер помягче, и хозяйка она хорошая, а муж ушел. Что же тут не так? Просто разлюбил? А может, и не любил никогда. Она

переживала поначалу, потом смирилась, но за дочку очень обидно — ни разу не поинтересовался, как она, как учиться, как здоровье. Только деньги присылал исправно, даже когда Лизе исполнилось восемнадцать, продолжал платить.

Когда Ангелина обратилась к нему с просьбой помочь Лизе с работой, то заметила, что деньги больше не надо присылать, они ни в чем не нуждаются, но он ответил, что пока есть возможность, будет помогать. Вроде все по — честному, но почему-то обидно...наверно, от его равнодушия. Искося поглядывая на Лизу, быстро проглатывала кашу, чтобы не расплакаться.

Лиза долго выбирала наряд, наконец, остановилась на черной прямой юбке и зеленой водолазке. Волосы распустила и тщательно расчесала, постаралась пригладить, чтобы не пушились.

— Ну? Ты готова? — Бабушка заглянула в комнату и, оглядев внучку, одобрительно хмыкнула.

Сама она надела серый строгий костюм, на шее светлый шарфик. Короткая стрижка, модные туфли на небольшом каблуке. Лиза подумала, что бабушке с ее стройной фигурой никогда не дашь 65 лет. Ничего, скоро она тоже похудеет и будет носить брюки и топики и тогда.

— Лиза, расстегни плащ! Зачем ты его надела, тепло ведь! Ну что ты, ей-богу засупонила вся. Не сутулься! Держи спину!.. Не шаркай как старуха!

Стараясь не слушать бабушкины замечания, Лиза думала о том, как она будет позировать. Интересно, почему он выбрал именно ее, а не Райку. А ведь подруга позавидовала, Лиза это почувствовала и, кстати, больше не звонила, даже сегодня. Она тоже не будет торопиться со звонком, подождет немного.

Последнее время Райка стала раздражать. Постоянное любование собой, эти оглаживания. В общем, она симпатичная девчонка, но не больше... Нет, неправда. Зачем обманывать себя? Конечно, она хорошенькая и стройная... Такая тоненькая талия — не даром она парням нравится.

— Лиза, посмотри записку. Какой номер дома? Господи! О чем ты все мечтаешь? Ну доставай же скорей! Ну?!

— Дом 8, корпус 2.

— Наверное, это вон там. Лучше спрошу — она остановила прохожего и спросила, но тот в ответ только пожал плечами. Анастасия Максимовна резко вскинула голову и стала его отчитывать.

— Как это вы не знаете? Вы москвич или приезжий? А если москвич, то обязаны знать свой город и тем более свой район. А вы ни черта не

знаете! Это ни в какие ворота не лезет! Это неприлично, в конце концов! Вот отсюда у нас все беды! Не знаем свой город, своих соседей! Не знаем историю страны! Безобразия!

Лиза с усмешкой наблюдала, как солидный пожилой мужчина стоял навытяжку перед бабушкой и молча хлопал глазами. Вот всегда так, ее почему-то все слушают и боятся. Даже главврач диспансера ее побаивался. Лиза прошла немного вперед и за углом обнаружила нужный дом. Она вернулась назад и с удивлением обнаружила, что мужчина любезно расшаркивается и... целует бабушке ручку.

— Ну что ты застыла, как изваяние? Пойдем же!

— Ба, почему он тебе руку поцеловал, ты же на него так напала?

Анастасия Максимовна шумно вздохнула.

— Поточу что я внушаю уважение... Впрочем, это оказался мой давний пациент. Представляешь, узнал, уверил, что я совершенно не изменилась, — она самодовольно усмехнулась. — Вот что значит, не позволять себе есть лишнего, делать гимнастику и следить за собой.

— Нам сюда, — Лиза прервала неприятный разговор.

— Какой этаж?

— Последний, четырнадцатый...

— Не люблю высокие этажи, — Анастасия Максимовна нажала кнопку и прислушалась к шуму поднимающего их лифта, — ни за что не согласилась бы жить выше третьего. Когда твоему дедушке дали ордер на пятый этаж, мне пришлось пройти немало инстанций, чтобы поменять на третий. Но я добилась своего, впрочем, как всегда. Надо уметь добиваться цели, Лизок, а то так и будешь всегда в хвосте. Господи! Да поднимется когда-нибудь этот чертов лифт?!

В это время лифт вздрогнул и остановился.

— Слава богу, — пробормотала бабушка и живо вышла из кабины.

Она одернула пиджак и, найдя нужную дверь, позвонила, сильно нажав на кнопку, послышались шаги, и дверь распахнулась.

— Здравствуйте, проходите. Так вы все-таки с мамой пришли? — Виталий Леонидович прищурился, разглядывая Лизину спутницу. Она не успела ответить, Анастасия Максимовна довольно усмехнулась.

— Нет, я бабушка Лизочки. Анастасия Максимовна.

— Очень приятно, Виталий Леонидович. Вы так прекрасно выглядите, что я засомневался.

Он расшаркивался, ухаживал за бабушкой, но Лиза заметила усмешку в глазах. Это он нарочно распинается перед бабушкой, хочет задобрить. Вот

хитрец! Ну что ж, ему это удалось. Вон, прямо расцвела.

— Нет, нет, ничего не снимайте, проходите.

Лиза совсем не так представляла себе мастерскую художника. Она боялась, что здесь будет все разбросано, повсюду грязные тряпки и краски, что художник будет так же неряшлив и небрит — бабушка терпеть не могла небритых мужчин, но они оказались в светлой, чистой комнате. Хозяин давал пояснения, обращаясь к бабушке.

— Располагайтесь... Вы любите старые фильмы? Я тут приготовил на выбор. Пока мы будем работать, вы можете посмотреть кино.

Бабушка улыбнулась, как будто приличный человек, интеллигентный, любит отечественное кино, не то, что эти кошмарные американские фильмы со стрелялками и ужастиками. И сам выглядит достойно, хорошо выбрит и довольно симпатичный, немолодой, но и нестарый, лет так примерно...

— Хорошо, что вы пришли, поможете Лизе переодеться.

— Как!? Разве она не в этом будет, в смысле не в том, во что одета? По-моему зеленая водолазка очень оттеняет цвет глаз.

— Анастасия Максимовна, — перебил Виталий, — там платье и пеньюар. Начните с платья. Мне нужно посмотреть.

Лиза с бабушкой прошли в мастерскую, где за ширмой были приготовленные наряды.

— Как тебе идет это платье! — Похвалила бабушка и подумала, что родись внучка в другое время, слыла бы первой красавицей.

Сама Лиза подошла к зеркалу и замерла. Как здорово! Она чувствует себя королевой или принцессой. Вот бы прийти в таком платье куда-нибудь на вечер. Все мужчины смотрят ей вслед, их спутницы щиплют своих кавалеров, чтобы не вертели головой и не глядели на Лизу. Слышны перешептывания... Вы не знаете, кто это?... Какая красавица. Познакомьте меня с этой девушкой.

Виталий наблюдал за ней и сердце замирало. Нет, он не ошибся в ней. Это именно то, что нужно. Как же ей идет это платье.

— Теперь пеньюар, — и, не слушая возражений, вышел в другую комнату.

— Чем ему платье не понравилось, скажите, пожалуйста, — раздраженно бормотала Анастасия Максимовна, помогая Лизе снять его.

Но когда она вышла в пеньюаре с этим своим мечтательным выражением лица, бабушка

подумала, что, пожалуй, в этом лучше, хоть и грудь сильно открыта.

— Это то, что нужно! — Виталий Леонидович подошел и растрепал только что приглаженные волосы. — Иди сюда, за столик... так... облокотись... нет выпрямись.

Перед Лизой стоял туалетный столик, на нем какие-то склянки, гребни, открытая шкатулка, фарфоровые безделушки и необычное овальное зеркало в тяжелой бронзовой раме. Она с любопытством все это разглядывала, пока он поправлял свет.

— Сейчас сделаем эскиз. Лиза, ты смотрела фильм «Анна на шее»? Вот, представь, что ты после бала поздно встала, уставшая.

Дальше Анастасия Максимовна не стала слушать. Вроде все пристойно. Она пока посмотрит фильм, будет периодически заглядывать туда, проверять. Но фильм посмотреть не удалось. С техникой она никогда не ладила, всегда просила Лизу поставить диск, но ничего, можно почитать, вон у него сколько книг. Наличие книг ей понравилось. В современных квартирах редко можно было увидеть книги. Молодежь предпочитает компьютер — интернет. Что хорошего, скажите? Целый день сидят, уставившись в экран, даже книжки электронные читают. Просто кошмар! Хорошо, что Лизу во

время приучили к чтению нормальных книг, правда, в последнее время она тоже много сидит за компьютером. Надо сказать Геле, чтобы обратила внимание на дочь.

Неожиданно раздался звонок в прихожей.

— Анастасия Максимовна! Пожалуйста, откройте дверь. Это мой сосед Борисыч пришел.

Какой-то Борисыч, какой-то сосед... Наверняка пьяница какой-нибудь, пришел деньги одалживать. Она резко открыла дверь, чуть не задев мужчину.

— Здравствуйте, извините за беспокойство, вчера Виталий просил купить апельсины, чтобы корки разбросать, а я забыл. Вот, возьмите, пожалуйста.

— Корки? — Изумленно уставилась на него. — Какие еще корки? При чем здесь корки?

— Простите, вас как зовут? Меня Андрей Борисович.

— Анастасия Максимовна.

— Очень приятно. Вы, наверное, мама девушки?

— Я бабушка, — поправила она, очень довольная комплиментом. Вот, что значит заниматься на тренажерах. А он очень милый — Может быть, зайдете, а то неудобно как-то так на лестнице.

— Если не возражаете, с удовольствием познакомлюсь с вами поближе.

Он по-хозяйски прошел сразу на кухню, Анастасия Максимовна последовала за ним и, наблюдая за его действиями, пришла к выводу, что на пьяницу он не похож и денег взаймы, вроде, просить не собирается... Это был пожилой мужчина весьма представительный, хорошо выбритый и приятно пахнувший в чистой футболке и тапочках.

— Позвольте, я немного похозяйничаю. Мы с Виталием, как одинокие мужчины, часто помогаем друг другу. — Он выложил апельсины, полез в холодильник, достал какие-то продукты и, надо заметить, очень ловко принялся что-то готовить. — Надо же, я думал вы мама. Я не видел вашу внучку, но понял, что это взрослая девушка. Сколько же вам лет? Ой! Простите! Это бестактно с моей стороны.

— Можете не извиняться, я никогда не скрывала свой возраст. Мне 60, — не моргнув глазом, сбросила пять лет.

— Ну, вам можно дать пятьдесят, а я несколько старше, мне 68.

— Но вы тоже в прекрасной форме. Наверное, занимаетесь спортом?

— Каждый день не получается, а по выходным с удовольствием хожу в спортзал. Вот

сейчас как раз оттуда. По дороге вспомнил просьбу Виталия и заскочил в магазин.

— Простите, а зачем ему корки апельсиновые? Цукаты делать?

— Нет, — он засмеялся, — это для того, чтобы краской не пахло. Чувствуете? Анастасия Максимовна потянула носом.

— Да, вот сейчас действительно запахло.

— Ну вот, я разложу корки, и не так будет чувствоваться запах, а то с непривычки может и голова заболеть. Я сейчас, я быстро... — Он вышел в комнату и вернулся через несколько минут. — Надо и здесь положить. А теперь давайте я вас угощу чаем или кофе, а может, что-нибудь покрепче? А хотите вино или ликер?

— Пожалуй, вино будет в самый раз.

— Отлично. Я схожу за вином, а вы, будьте любезны, достаньте там из горки фужеры.

Анастасия Максимовна с удивлением отметила, что беспрекословно выполняет его указания. Принесла фужеры и даже помыла их. Сосед вернулся очень быстро с бутылкой вина, штопором и конфетами.

— Я вас буду угощать фруктовым салатом, тыквенным супом и сыром разных сортов. Для начала выпьем.

Андрей Борисович разлил по бокалам вино.

— За приятное знакомство. Ну как вам вино?

— Хорошее, я не люблю сухих вин — очень кислые, а это в самый раз. Ну, давайте готовьте свой необыкновенный салат. Признаться, я такой никогда не пробовала.

Она наблюдала, как он доставал из холодильника продукты, мыл, резал, отметила, что делает он все довольно ловко. Надо выяснить, что он из себя представляет, хотя, конечно, ей это совершенно безразлично, просто неприлично сидеть молча, надо развлечь человека разговором. Он охотно отвечал на вопросы. Анастасия Максимовна узнала, что он давно развелся. Жена уехала вместе с сыном в Германию, там вышла замуж, а сын получил хорошее образование, женился, и скоро у него появится ребенок.

— Я так и не женился, хотя романы, конечно, были. А вы? Вы замужем?

Анастасия Максимовна коротко рассказала о себе, что уже 15 лет вдова, живет с дочерью и внучкой, ушла с основной работы, подрабатывает в частной клинике.

— Так вы врач?

— Да, дерматолог.

— Это замечательно, а я по образованию инженер, а работаю много лет в полиграфии, у меня небольшая фирма.

Наконец, салат был готов, суп был приготовлен заранее. Андрей Борисович извинился, что надо есть на кухне.

Анастасия Максимовна с удовольствием попробовала салат, от которого пришла в полный восторг.

— Надо Геле рассказать рецепт, пусть сделает. Очень вкусная и здоровая еда. Знаете, моя дочь обожает готовить.

— Я думаю, этот салат вы должны приготовить самостоятельно и удивить близких.

— Боюсь от удивления они и есть не смогут, — засмеялась Анастасия Максимовна.

Вот это натура! Век бы писал! Сидит и мечтает, не пристаёт с глупыми вопросами и не крутится. Подарок, а не девушка! Как там бабушка с Борисычем? А вообще пора сделать перерыв... Ох, как не хочется.

— Ладно, все. Перерыв. Иди отдохни, разомнись немного, туалет прямо и налево, направо кухня, можно перекусить.

— Я не хочу есть, — быстро ответила Лиза, выходя из-за столика. Ой, и правду надо немного поразмяться, все тело затекло. Как это она не заметила? Так приятно было сидеть и просто мечтать. А интересно посмотреть, что там получилось.

— Что? Разочарована? — Прозвучал насмешливый голос. — Ожидала увидеть картину, а там мазня. Это тебе не фотография. Ладно, к концу дня что —нибудь получится. Постой! Ты раньше никогда не позировала? Нет? Надо же... у тебя классно получается. Просто молодец! Ну, иди к бабушке... да и поставь, пожалуйста, чайник.

Были слышны два голоса, один — бабушкин, другой — мужской, незнакомый. Лиза быстро прошмыгнула в туалет, потом в ванную. Вытирая руки, прислушалась. Кажется, бабушка смеется и смеется как-то необычно, а тихо и нежно. Странно, и не зашла к ним ни разу. Чудеса! Лиза заглянула на кухню — бабушка с каким-то старичком чокались полными бокалами. Ничего себе! Да она тут вино попивает.

— Здравствуйте.

— Это моя внучка, Лиза, — засуетилась бабушка, что было ей совсем не свойственно, — а это Андрей Борисович, сосед Виталия... ммм... Леонидовича.

— Очень приятно. Позвольте поухаживать за вами. Присаживайтесь. Вот и Виталий.

— О! Я смотрю, ты тут всю хозяйничаешь! Отлично. Что за вино? Пожалуй, я тоже бокальчик пропущу.